

империи намечился в конце 1980-х – начале 1990-х годов, став по сути прологом для современной историографии.

Список литературы

- Вишленкова Е. А., Парсамов В. С. Университетские истории в России: генезис жанров // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (20). Сентябрь. С. 164–172.
- Посохов С. И. Историографические образы: вариант деконструкции (на материалах историографии российских университетов) // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 216–238.
- Посохов С. І. Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2006.

Т. Н. Жуковская

ПРОФЕССОРА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛГУ 1930–1940-Х ГОДОВ: АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОБЛИК И МЕМУАРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Жуковская, Татьяна Николаевна, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, tzhukovskaya@yandex.ru
Zhukovskaya, Tatyana Nicolaevna, associate professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., 199034, St. Petersburg, Russian Federation, tzhukovskaya@yandex.ru

Профессора исторического факультета ЛГУ 1930–1940-х годов: академический облик и мемуарная традиция¹

Professors of the Faculty of History of Leningrad State University in the 1930s and 1940s: Academic appearance and memoir tradition

Аннотация. Статья посвящена анализу корпуса воспоминаний об историческом факультете ЛГУ 1930–1940-х годов, который насчитывает около двух десятков текстов. Показано, что мемуарные свидетельства отражают не только индивидуальную память мемуариста, но и «коллективную память» университетского сообщества, которая поддерживается системой поколенческих, групповых и, в нашем случае, профессиональных коммуникаций. Значимой «точкой сборки» памяти универсантов-историков являются образы ведущих профессоров факультета, среди которых особое место занимает фигура В. В. Мавродина как ученого, человека и администратора, много лет руководившего факультетом.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the memorial sources about the historical faculty of the Leningrad State University of the 1930s–1940s, which include two dozen texts. It is shown that the memoir evidence reflects not only the memoirist's individual memory, but also the "collective memory" of the university community, which is supported by the system of generational, group and, in our case, professional communications. A significant "point of construction" of the memory of university students are the images of the leading professors of the faculty, among them a special place is occupied by the figure of V. V. Mavrodin as a scientist, a person and an administrator, who headed the faculty for many years.

Ключевые слова: Ленинградский университет, историческая школа ЛГУ, коллективная память, мемуары студентов и профессоров.

Keywords: Leningrad University, historical school of Leningrad State University, collective memory, memoirs of students and professors.

Воспоминания об университете его выпускников и представителей преподавательского корпуса являются одной из форм университетских коммемораций. Им присуща

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект «Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в.): биографическая база данных информационный ресурс», проект № 16-06-00528.

такая специфическая черта, как соединение индивидуальной памяти мемуариста с коллективной памятью сообществ, сложившихся внутри университета и объединенных поколенческими, факультетскими, событийными или групповыми связями¹. Значение мемуаров универсантов как первичного историописания, имеющего отношение не только к самому университету, но и, в данном случае, к сообществу ленинградских-петербургских историков XX в., трудно переоценить. «Точки сборки» коллективной памяти, направления мифологизации событий академической истории, выстраиваемая галерея образов историков, почитаемых и, наоборот, снискавших в коллективной памяти негативную репутацию, — все это отражается как в опубликованных воспоминаниях наших коллег и учителей, так и в устной традиции еще не записанных истфаковских преданий и анекдотов.

Для сообщества историков Ленинградского — Санкт-Петербургского университета, как и для памяти универсантов, в целом, характерно обращение к образам учителей, авторитетных профессоров, имена которых складываются в некий академический пантеон. Эти образы сами по себе являются «местом памяти» универсантов-историков, неким компасом для академических траекторий их учеников. Традиция вспоминать своих профессоров и учителей восходит к мемуаристике XIX в., но студенты того времени демонстрируют значительно большую критичность и независимость от шаблонов «коллективной памяти» в описаниях своих профессоров. В нашем случае мы имеем дело с воспоминателями, оставшимися не только «внутри» профессии, но и, в своем большинстве, внутри факультетского сообщества, и это многое объясняет. Корпус воспоминаний о предвоенном и послевоенном истфаке ЛГУ и его профессорах представляется сформированным и интересным полем для наблюдений.

Почти во всех воспоминаниях об истфаке, записанных в последние 30 лет, подчеркнута эмоциональное переживание от самого факта поступления в университет, казавшийся «территорией свободы» в несвободной стране, от первых лекций известных историков, воспринимавшихся как живые классики. При этом академический восторг перед именем и эрудицией профессора соединяется с личным отношением к нему, бытовыми и характерными зарисовками. Это особенно отчетливо проявляется в текстах студентов военных лет, совместно переживших со своими учителями блокаду и эвакуацию². Естественно, что эти характеристики иногда преувеличены, а образы профессоров подвержены мифологизации именно как фрагменты «коллективной памяти». Преувеличения относятся не их научным репутациям, о чем студенты еще не могут судить основательно, а к их «всезнанию», строгости и проницательности как педагогов. У мемуаристов XIX в. личная дистанция между профессором и студентом кажется меньшей, несмотря на сословно-профессиональную иерархию дореволюционной высшей школы.

Ряд имен профессоров истфака 1930–1940-х годов, подвергшихся массовой меморизации, если более-менее строго выстроить его по частотности упоминаний, выглядит следующим образом: В. В. Мавродин, С. Н. Валк, В. В. Струве, С. Б. Окунь, Е. В. Тарле,

¹ См.: Жуковская Т. Н. Санкт-Петербургский (Ленинградский) университет в воспоминаниях, или Особенности университетской памяти // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии. VII Арсентьевские чтения (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 сент. 2017 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2017. С. 128–132.

² «Мы знаем, что значит война...»: воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / сост. Т. Н. Жуковская, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2010.

А. В. Предтеченский, С. И. Ковалев, В. И. Равдоникас, Б. А. Романов, Д. С. Лихачев и др. В. В. Мавродин как многолетний декан факультета, принявший личное участие в судьбах многих студентов, упоминается практически всеми мемуаристами, как и те профессора, которые читали общие курсы первокурсникам. Остальные упоминаются в зависимости от специализации мемуариста в годы учебы. Отметим, что влияние и харизматичность «корифеев» истфака, примерно в соответствии с этим рядом, отразили не только мемуары, но и официальная история факультета, выдержанная в жанре юбилейного историописания¹.

Дистанция общения студента и профессора быстро сокращается, стоит перейти в рабочий режим консультаций, занятий по избранной научной теме. Образы профессоров, ставших научными руководителями, гораздо более детализированы и узнаваемы. Многие мемуаристы подчеркивают демократизм своих учителей, стремление помогать ученикам не только в научном, но и в житейском смысле. Так поступали, судя по источникам, почти все научные руководители в отношении своих учеников, давая рекомендации, руководя их работой в архивах, помогая в поступлении в аспирантуру. Почти все мемуаристы упоминают, что бывали дома у своих учителей. Это связано с традицией проводить семинары для своих студентов и аспирантов на дому, установившейся еще в дореволюционные годы, что отражалось тогда и в официальном расписании факультета. В послевоенные годы, когда увеличилось число студентов и на факультете стало тесно, профессора возобновили эту практику. О семинарах и встречах на дому у С. Н. Валка, А. В. Предтеченского, И. И. Смирнова, В. В. Струве пишут Ю. Г. Алексеев, Г. Л. Соболев, Т. М. Китанина, В. Г. Чернуха, Э. Д. Фролов и др.²

Научный руководитель воспринимается мемуаристами как пожизненный спутник и наставник, иногда почти как «член семьи». Так, С. Б. Окунь мог при встрече с матерью своего аспиранта Ю. Д. Марголиса, тоже историком, задать вопрос, занимается ли подопечный диссертацией или транжирит время, писать аспиранту летом из санатория, звонить ранним утром, побуждая к деятельности³. Добавим, что традиция академического общения со студентами во внеаудиторном режиме, помимо расписания, просуществовала до последнего времени, пока не исчезли сами «спецсеминары» или группы, объединенные работой у одного научного руководителя.

Вообще образ С. Б. Окуня оказался неординарным для «академических историй». Феномен его как «беспартийного, но влиятельного» историка⁴, автора одного из первых опубликованных советских лекционных курсов по XIX веку, постигается не только через труды С. Б. Окуня, но и через память о нем и, прежде всего о «театре одного актера», спектакле, в который он превращал свои лекции⁵. Про то, как Окунь «убивал» Павла I на своей лекции, вспоминают все истфакотцы, в том числе специализировавшиеся по другим кафедрам, и даже люди, не связанные с факультетом, но специально при-

¹ Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004 / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб: Изд-во СПбГУ, 2004.

² Наш дом на Менделеевской, 5. Воспоминания универсантов-историков. СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 15–16, 53, 60–61, 69–71.

³ In memoriam: памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб.: Серебряный век; Контрфорс, 2000. С. 101–102.

⁴ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 100–103.

⁵ Марголис Ю. Д. Артистизм ученого: воспоминания о С. Б. Окуне // Очерки истории Ленинградского университета. Л., 1989. Т. 6. С. 22–30.

ходившие на этот спектакль. В год 110-летнего юбилея С. Б. Окуня стоит напомнить, что по его авторским лекционным курсам, за неимением лучших, студенты до сих пор готовятся к экзаменам, по крайней мере, по вопросам истории внешней политики «от Павла до Николая».

Одни профессора, по свидетельствам слушателей, демонстрировали строгость на экзаменах и требовали идеальной дисциплины во время лекций, другие, как египтолог В. В. Струве, слыли крайними «либералами». Мемуаристы свидетельствуют, что Струве, которого за его ласковое обращение к студентам называли «голубчик», не мог на экзамене поставить никому не то, что тройку, но даже «4», это означало обречь студента существовать без стипендии и полностью вносить плату за обучение (введенную в 1940 г.)¹. Гуманизм и демократизм пожилых профессоров с дореволюционным стажем, видимо, особенно трогал советскую молодежь. В отличие от времен борьбы «красного» студенчества с «буржуазной» профессурой, в послевоенные годы профессорами «старой школы» гордились.

Наоборот, термин «красные профессора» автор воспоминаний (Н. И. Яковкина) применяет к специалистам по истории советского периода, области тогда сугубо конъюнктурной². Отрицательным героем университетских мемориальных «историй» 1940-х годов стал преподававший новейшую историю СССР Н. А. Корнатовский. Именно он возглавлял партийную организацию факультета в период чисток и «разоблачений» ученых 1949 г., а потом сменил репрессированного В. В. Мавродина, которого все любили.

Тема репрессий профессоров истфака возникает в мемуарах сравнительно редко, что можно связать с самоцензурой наблюдателя, которая была включена, но не в момент фиксации воспоминаний, а в то самое время, о котором повествуется (1936–1938, 1948–1950 гг.), и долгие годы потом. Почти никто из мемуаристов, кроме самых обстоятельных летописцев тех лет Д. Н. Альшица и Р. Ш. Ганелина, «не помнит» того, что масштаб репрессий был таков, что факультет потерял репрессированными всех своих первых деканов (Г. С. Зайделя, С. М. Дубровского, А. К. Дрезена, К. А. Успенского, А. Л. Фраймана), а одного из них на глазах студентов уводили под конвоем прямо с факультета. А также о том, что за их преемником, назначенным в 1939 г. М. Д. Приселковым, не могла не закрепиться репутация уже побывавшего в лагере по «академическому делу» 1929 г. Среди послевоенных студентов лишь немногие упоминают, что «отсидели», а потом были реабилитированы и вернулись на истфак С. И. Ковалев, М. А. Гуковский, Н. А. Корнатовский, А. И. Доватур, Е. М. Косачевская и многие другие³. Впрочем, следуя тому же закону вытеснения опасных или неприятных эпизодов из сознания, на периферии коллективной памяти осталась и университетская история 1938 г., когда были арестованы несколько выпускников и студентов старших курсов, в том числе сын профессора А. В. Предтеченского⁴, как и события 1968 г.: «дело» студента В. И. Дремлюги, участника демонстрации на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию, «дело» ассистента Н. Я. Иванова, связанного

¹ Воспоминания В. Н. Роговой. (Из личного архива) // Эльяшова Л. Л. Быть счастливым в безумном мире. СПб., 2015.

² Наш дом на Менделеевской, 5. С. 78–79.

³ Наш дом на Менделеевской, 5. С. 66.

⁴ Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. СПб., 1995. Вып. 1. С. 230–231.

с ВСХСОН¹, увольнение и исключение из партии Ю. Д. Марголиса за распространение запрещенной литературы. Это умолчание само по себе является «историографическим фактом» и феноменом коллективной памяти сообщества историков ЛГУ.

Чем дальше от описываемого времени, тем очевиднее мифологизация отдельных деталей прошлого, как результат стирания, затуманивания деталей или подмены коллективной памятью личных воспоминаний. Со временем меняется структура студенческих воспоминаний. Мемуаристы следующих поколений все чаще переносят акцент с академических отношений на «неакадемические»: работа в комсомоле, досуг, практики, экскурсии, быт. Но присущий истфаку демократизм в отношениях между студентами и профессорами отражают и они. Подчеркивается доступность «мэтров»: во внеаудиторной обстановке, на кафедре, в «курилке», дома у профессора, их доброта, готовность помогать студентам, отношение к ним как к младшим коллегам. Эталоном истфаковского профессора, наделенного всеми названными качествами, в глазах нескольких поколений, учившихся между 1940 г. и концом 1970-х годов, стал В. В. Мавродин, формальный глава факультета и один из ведущих его ученых. Поэтому локальный «культ Мавродина», нашедший отражение в посвященных его памяти юбилейных сборниках, конференциях, мемориальных досках и аудиториях, многочисленных мемуарах и устных преданиях, совершенно закономерен и объясним. Память сообщества историков и даже его мифология имеют значение для представления академических и социальных рамок существования Петербургской-Ленинградской школы историков.

Список литературы

- Жуковская Т. Н.* Санкт-Петербургский (Ленинградский) университет в воспоминаниях, или Особенности университетской памяти // Парадигмы университетской истории и перспективы историологии. VII Арсентьевские чтения (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 сент. 2017 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2017. С. 128–132.
- Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М.: Весть, 1992.
- Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб.: Нестор-История, 2006.
- Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004 / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
- Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. СПб., 1995. Вып. 1.
- Марголис Ю. Д.* Артистизм ученого: воспоминания о С. Б. Окуне // Очерки истории Ленинградского университета. Л., 1989. Т. 6. С. 22–30.
- «Мы знаем, что значит война...»: воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / сост. Т. Н. Жуковская, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2010.
- Наш дом на Менделеевской, 5. Воспоминания универсантов-историков / ред.-сост. И. Б. Михайлова. СПб.: Скифия-принт, 2015.
- Эльшова Л. Л.* Быть счастливой в безумном мире. СПб., 2015
- In memoriam: памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания / сост., коммент. Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская. СПб.: Серебряный век; Контрфорс, 2000.

¹ *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М., 1992.